

Арк. БУХОВ

В защиту Маяковского

Необходимое послесловие к его исповеди

Маяковский не прав, называя себя извозчиком. У каждого извозчика есть свой номер, по которому его можно отличить от других его товарищей по этой скромной и печальной профессии; у Маяковского нет даже этого скромного признака индивидуальности. Он замечен только в хорошем издании, где все пишут грамотно и талантливо, замечен как чирий на здоровом теле... Но пустите Маяковского в среду таких же безграмотных и неспособных к литературному труду, — он потонет среди одинаковых.

Как случилось, что г. Маяковский привлек к себе внимание, как случилось, что его, Маяковского, расхвалил на страницах «Журнала журналов» Максим Горький.

Здесь, в этой статье, он определяет свою обособленность от других, выдавая себя за «микроцефала с низким и узким лбом, которого слабо украшает пара тусклых вылинявших глаз...» Мне кажется, что Маяковский здесь несправедлив: именно эти подробности, этот узкий лоб и другие физические недостатки не отличительно резки, а наоборот, исключительно типичны для того рода литературного творчества, который избрал Маяковский.

Не справедлив Маяковский и в желании резко размежевать в себе, для читателей, человека и автора; он явно проигрывает от этого. Что о нем можно сказать, как об авторе, когда он сам искренно и правдиво говорит о себе, что он «извозчик, которого стоит впустить в гостиную и воздух как тяжелыми топорами занавесят словища...» В конце концов, одного искусства сгущать воздух еще не достаточно для звания — поэт. А кроме этого шумного невежества Маяковский еще не успел дать ничего. Выругал Пушкина, ошельмовал Врубеля, переложил расписание

по железным дорогам, с перечислением «аудиторий Петрограда, Москвы, Одессы, Киева», — но это же так обычно для всех недаровитых и малограмотных людей...

Наоборот, его карьера не как автора гораздо ярче и интереснее, хотя бы уже потому, что приведен в литературу Маяковский был двумя околодочными — таких крестных отцов даже у теперешних литераторов еще не было. Один околодочный надзиратель из Москвы, запротоколивший базарный скандал Маяковского в «Розовом фонаре», другой петроградский, засвидетельствовавший площадные слова Маяковского в «Бродячей собаке», ныне удачно закрытой вместе с другими притонами. Эти два скромных человека и сделали Маяковскому карьеру. Карьеру безусловно самобытную и редкую. Оба околодочных надзирателя робко и неумело сделали то, что сейчас делают и собираются делать критики и сочувствующие, дающие Маяковскому «право на литературу».

Околодочные начали, те кончают, а Маяковский уныло висит между этими двумя началами своего литературного существования. Редкое, трогательное единение.

Не справедлив Маяковский не только к себе, но и к тем изданиям, где он работал, называя себя извозчиком, — на их долю Маяковский очевидно оставляет одно наименование извозчичьих бирж, а это неверно: мое личное мнение, что руководители этих журналов просто впали в одну и ту же ошибку с Маяковским, приняв узкий лоб и тусклые глаза за признак резко выраженной индивидуальности...

Маяковского нужно защищать от самого себя: он слишком рано хоронит себя, принимая на свою голову столько обидных определений. На наших глазах была масса случаев, когда не мало поэтов, отчаявшись в чистой поэзии, шли писать стихи для табачных фирм и даже затмевали дядю Михея. А в свое время они тоже поникали головами и сокрушенно шептали: я извозчик, я циник, у меня узкий лоб... А ведь Маяковский сам говорит, что он еще «молодой человек 22 лет». Еще ничего не ушло, все впереди. Граф Амори значительно позже начинал свою карьеру, а имя у человека — какое.

